

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА
FOREIGN LITERATURE

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-682-691
УДК 821.133.1

Научная статья / Research article

**Концепт «нео-» и романы Ж. Роденбаха:
между романтизмом и символизмом**

Н.А. Литвиненко

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
ninellit@list.ru

Аннотация. Разнообразные формы переходности в литературе и искусстве рубежа XIX и XX вв. недостаточно исследованы. Использование концепта «нео-» позволяет уточнить представления о неоромантизме, сложившиеся в современной науке. В статье анализируется романное наследие бельгийского писателя Роденбаха как явление переходное, сближающее тетралогия писателя с романтизмом, Парнасом и символистской французской поэзией; как явление, органично включающее бельгийскую литературу в европейское пространство интертекстуальности. Доказывается, что обращение к проблемам искусства, художника-творца, «прекрасной души» связывает Роденбаха с традициями йенского романтизма, на новом этапе развития литературы создает трансформацию романтического мифа. Идеал искусства не подвергается девальвации, но художник, живущий в обществе, неизменно терпит поражение. Предаваясь земной страсти, вступая в конфликт с социумом и самим собой, он изменяет идеалу. Реальная жизнь порождает иллюзии и самообман, ведет героя к катастрофе. Роденбах использует романтическую модель мифологизации, насыщая ее символическими аллюзиями и знаками, в преддверии модернизма создает неоромантический романтический синтез.

Ключевые слова: Ж. Роденбах, бельгийская литература, романтизм, символизм, неоромантический синтез, роман, эстетическая трансформация, романтический миф о художнике, традиции, идеал

История статьи: поступила в редакцию – 1 сентября 2020 г.; принята к публикации – 12 сентября 2020 г.

Для цитирования: Литвиненко Н.А. Концепт «нео-» и романы Ж. Роденбаха: между романтизмом и символизмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 682–691. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-682-691>

The concept of “neo” and the novels of G. Rodenbach: between romanticism and symbolism

Ninel A. Litvinenko

Moscow State Region University
24 Very Voloshinoy St, Mytishi, 141014, Russian Federation
ninellit@list.ru

Abstract. Various forms of transition in literature and art of the turn of 19th and 20th centuries haven't been explored enough. The use of the concept of “neo” allows to clarify the ideas of neo-romanticism that have developed in modern science. The article analyzes the novel heritage of the Belgian writer Rodenbach as a transitional phenomenon that brings together the writer's tetralogy with romanticism, Parnassus and symbolist French poetry; as well as phenomenon that organically includes Belgian literature in the European space of intertextuality. It is proved that addressing the problems of art, the artist-creator, the “beautiful soul”, connects Rodenbach with the traditions of Yen's romanticism, at a new stage of development of literature generates a transformation of the myth of romanticism. The ideal of art is not subject to devaluation, but the artist, who lives in society, always fails. Indulging in earthly passion, coming into conflict with society and himself, he doesn't keep faith in his beliefs. Real life creates illusions and self-deception, leading the character to disaster. Rodenbach uses a romantic model of mythologization, saturating it with symbolic allusions and signs, on the eve of modernism creates a neo-romantic novel synthesis.

Keywords: Rodenbach, Belgian literature, romanticism, symbolism, neo-romantic synthesis, novel, aesthetic transformation of the myth of romanticism about the artist, traditions, ideal

Article history: received – 1 September 2020; revised – 6 September 2020; accepted – 12 September 2020.

For citation: Litvinenko, N.A. (2020). The concept of “neo” and the novels of G. Rodenbach: Between romanticism and symbolism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 682–691. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-682-691>

Введение

Используемый как приставка в составных сложных словах аффикс «нео-» характеризует обновляемую семантику различных литературных направлений, явлений, связанных с частичным пересмотром устоявшихся традиций, трансформацией, модифицированием ранее сложившихся эстетических систем. На этой концептной основе возникли исследования, посвященные неоклассицизму, необарокко, неовикторианству, неоготике, неоромантизму и т. д., выдвигающие в центр проблему переходности эстетических феноменов и эпох. Литературоведы, размышляющие над этой проблемой, подчеркивают множественность и открытость семантики «нео-», поскольку она стягивает разнообразные социокультурные векторы восприятия и интерпретации – памяти, канона, «становления, эволюции, предсказуемых или неожиданных мутаций культуры», которая «постоянно находится в динамике связей между постоянно изменяющимся отношением к прошлому и колеблющимися, неустойчивыми, гипотетическими прогнозами будущего» [1].

Изучение феномена «нео-» осложняется множественной семантикой знаков, наличием разных риторических кодов, определяющих специфику воплощения и интерпретации литературно-художественных текстов – писателями, читателями и литературоведами, которые на каждом этапе историко-литературного развития формируют новую эстетическую реальность. При этом речь может идти о явлениях и направлениях, отстоящих во времени, с отчетливо просматриваемой границей разных эпох, но может идти и о перспективе изучения процессов, развивающихся синхронно или почти синхронно, приналежащих к различным стадиям историко-литературной эволюции.

Соотношение романтизма и символизма, попытки исследовать неоромантизм как одно из литературных направлений конца XIX – начала XX вв. предпринимались многократно, но в силу специфики и недостаточной теоретической отрефлектированности феномена получали, как правило, противоречивое истолкование. Г.К. Косиков полагал, что символизм вырастает из романтизма [2], В.М. Толмачев, возражая против «стереотипов восприятия символизма» в XIX и XX вв., различает «историко-литературные романтизм, натурализм, символизм», «не преодоление друг друга, а парадоксальное удвоение, утроение, учетверение культурной парадигмы» [3].

Очевидно, однозначная атрибуция франкоязычной литературы конца XIX в., творчества Роденбаха как явлений символизма не отвечает запросам современной филологии [4]. Эстетическая парадигма, в которой возникли взаимосвязи между романтизмом и символизмом, как и их интерпретация, обладала национальной спецификой. Очевидно и то, что «предчувствие кризиса цивилизации» формировало запрос на пересмотр ценностей, накопленных и создаваемых культурой. На этой почве на рубеже веков возник феномен неоромантизма, трансформировавшего на новой, часто символистской основе традиции литературы европейского романтизма.

Таким образом, цель статьи – исследовать семантику символических смыслов, лежащих в основе романистики бельгийского писателя Роденбаха, чье творчество, в равной мере принадлежащее истории бельгийской и французской литератур, формировало новые векторы трансформации романтических мифов. Для понимания специфики неоромантизма Роденбаха важно попытаться отрефлектировать то, что располагалось «на границе», свидетельствовало о взаимодействии эстетических систем; обозначить некоторые особенности трансформации романтических идей в романах писателя. В рамках небольшой статьи мы затронем особенности трактовки одного из мотивов, выполняющих в тетралогии структурирующую функцию, – мотива любви, который собирает в символистско-романтическом фокусе семантику переходности и эстетического обновления, характеризующую романы Роденбаха. Позднее и по-иному к этой проблеме в процессе поисков утраченного времени обратится М. Пруст.

Проблематика и поэтика романов Ж. Роденбаха

В конце XIX в. нарастающую пессимистическую настроенность идеям эстетизма столь разные писатели, как В. Гюго, Э. Ростан, Р.Л. Стивенсон, Р. Киплинг, Г.Р. Хаггард, Дж. Конрад, Р. Роллан противопоставляли героические

характеры, часто редуцируя в своих произведениях философско-эстетическую проблематику романтизма. Неоромантизм в этих условиях реализовал запросы массовой литературы и новой мифологизации. Как эпоха, культура, сложный комплекс взаимодействующих течений романтизм оставался актуальной почвой, продолжающей питать развитие европейских литератур, в том числе близкого ему по ряду эстетических принципов и признаков символизма. В новых условиях он становился ресурсом углубленных поисков новой субъективности, трагической соразмерности мира и человека, погруженного в поэтику символического удвоения.

В бельгийской литературе в 1780–1790-е гг., когда создавал свои произведения Роденбах, романтические идеи, взаимодействуя с символизмом, расширяли потенциал эстетического обновления литературы, речь шла не об отрицании романтизма, а о попытках переосмыслить его идеи на новом витке социокультурной эволюции.

Роденбах – поэт, романист, эссеист, драматург, наряду с Э. Верхарном и М. Метерлинком, Шарлем де Костером, принадлежит к крупнейшим создателям бельгийской литературы, тем, кто завоевывал ей новый статус в общеевропейском литературном процессе XIX века. Отвечая запросам становления новой бельгийской государственности, ускоряющегося времени, осознавая «кризис европейского духа», поэты, романисты, драматурги обращались к проблемам национальной истории, стремились выработать новые формы художественного письма (в 1881 г. возник журнал *La jeune Belgique*, в издании которого участвовали и Верхарн, и Роденбах).

Бельгийские писатели конца XIX в., подобно другим европейским современникам, переживали общеевропейский кризис рациональности, в преодолении и осмыслении которого особенно значимым стал эстетический опыт романтизма. В этих условиях для Роденбаха-романиста магистральной темой стала Фландрия, ее наследие и культура, в которой он «распознавал», угадывал актуальные для современности, мистические, прекрасные, вырастающие из романтизма символы.

Жизнь в Париже, языковая общность, психологический склад увлекали Роденбаха, поэта и романиста, в бурный поток разнообразных течений французской культуры, где переплетались, переплавлялись явления, эстетически, казалось, несовместимые. В 1860-е гг. заявил о себе будущий создатель «Ругон-Маккаров», в 1880 г. выходят «Меданские верчера». Гюго, чей голос «гремел над миром, подобно урагану», оставался новатором и знаменем романтизма до конца жизни (умер в 1885 г.), годом раньше прошла первая выставка импрессионистов, в 1890 г. один из крупнейших создателей «новой драмы» Метерлинк пишет символистские драмы – «Непрошенную» и «Слепых», несколькими годами ранее завоевывает громкий успех автор «Сирано де Бержерака» Э. Ростан. Для Роденбаха, погруженного в литературную жизнь Парижа, сохраняла особую притягательную ценность поэзия «Парнаса», новые, близкие, родственные горизонты открывало творчество Ш. Бодлера, П. Верлена, С. Малларме.

«Боги умерли» для многих в эту эпоху, но не для Роденбаха, который различает в их молчании напластования эпох, гул вековых традиций. Бог и

божественное начало вошли на романтико-символистской основе в мир художественных исканий его и его героев. Роденбаху были близки традиции не позднего, социального, а раннего, йенского романтизма, «звездного перекрестка», он как будто хотел заново осмыслить его эстетические идеи, пропустив их сквозь призму нового психологического опыта и символистского письма. Его неоромантизм нашел воплощение в этой двусосновности, в попытке преодолеть разрыв, определяющий трагедию художника, устремленного к идеалу, но живущего на земле.

Роденбах был частью французской художественной элиты, наряду с Бодлером и Малларме, Э. Гонкуром и Ж.К. Гюисмансом, М. Прустом, Метерлинком, Верхарном. Вместе с другими бельгийскими писателями и поэтами ему как романисту предстояло сделать то, что французская литература совершила в эпоху «битвы за романтизм» на историческом материале, а в эпоху Июльской монархии – на современном, – заново открыть, художественно исследовать национальную историю, сформировать новый эстетический миф о древней и современной – прекрасной Фландрии [5], подобный тому, который создал Гюго в «Соборе Парижской богородицы» или А. Дюма в бесконечной серии романов, на приключенческой основе мифологизировавших французскую историю. Это должен был быть не народный миф в духе Шарля де Костера, а эстетический, неоромантический миф. Важную роль играли в нем религиозно-мистические мотивы, сближавшие Роденбаха с автором «Духа христианства» (1802), с А. де Ламартином, с автором «Отверженных» (1862), в Германии – с романтизмом Новалиса, создателя «Генриха фон Офтердингена» (1799–1801) и «Гимнов к ночи» (1797–1798). В философско-эстетических идеях Роденбаха различимы отзвуки теорий А. Шопенгауэра и А. Бергсона, полемика с Ф. Ницше.

Многослойный эстетический синтез характеризовал творчество Роденбаха, как и множество произведений эпохи, в пределах которой «цветы» и «плоды» произрастали рядом, прошлое сочеталось с настоящим и будущим в попытках мнимого и реального прорыва к будущему, поисков новых форм художественного мышления в поэзии, романе, драме.

Романы Роденбаха «Искусство в изгнании» (*L'art en exil*, 1889), «Мертвый Брюгге» (*Bruges la morte*, 1892), «Призвание» (*La vocation*, 1895), *Le carillonneur* (1897, в русских переводах «Звонарь», «Выше жизни») образуют своеобразную тетралогия. В основе ее перекликающиеся образы-символы, поэтические мотивы, актуальная философско-эстетическая проблематика – призвания и поражения, любви и катастрофы, роковой недостижимости счастья; конфликт веры в бога, в высочайшую ценность искусства – и законов социума, несовместимых с идеальными устремлениями героя. Это мотивы жизни и смерти, рокового избранничества, зародившиеся еще в начале столетия, которые неуклонно влекут их носителей на разных витках исторического развития к катастрофе.

Жанровый синтез, характеризовавший эпопею Шарля де Костера, литературу рубежа XIX–XX вв., модернистские романы М. Пруста и Гюисманса, Дж. Джойса, Ф. Кафки нашел яркое преддверие, своеобразное воплощение в творчестве Роденбаха. Роман «Мертвый Брюгге» был признан культо-

вым [6], шедевром символистского искусства Франции и Бельгии. В то же время его относили к разновидности популярного романа (*roman de gare*), называли триллером, поэмой в прозе, считывали в нем миф об Орфее, видели историю инициации (*conte initiatique*). Современный исследователь творчества Роденбаха Гоффен назвал роман «Мертвый Брюгге» оккультным, распознал в нем интерпретацию эзотерических мотивов, которые возникли на почве разрыва с традициями, поисков Грааля, характерных для Франции и Бельгии в этот период, теософских стремлений заново «открыть» религии и восток.

Центральный, сквозной мотив романной тетралогии Роденбаха – мотив любви. Он лежит в основании сюжетных коллизий, варьируется, меняет свою семантику, всегда полисемантичен. В «Призвании» он преломляется в любви Ганса к богу, к матери и служанке Урсуле, в «Мертвом Брюгге» – в любви героя к умершей жене и ее жалкому двойнику – актрисе, в «Звонаре» – в любви Борлюта к Барбаре и Годеливе, к искусству древней Фландрии. Одержимые страстью – поиском идеала, герои Роденбаха наполняют свою любовь мифологической символикой, музыкой веры, служения искусству, красоте. Это та симпозиция, симфилософия, в которой йенские романтики находили безграничную свободу творческого духа, лирическая и трагическая сущность жизни как таковой. Однако мир, в котором живут эти герои, утратил широту, он еще сохранил связи с горными вершинами духа, но горизонт, связующий миры духовной и реальной жизни, истончился, стал мучительно узким, со всех сторон его теснят границы, не только внешние – социальные и общественные, но и внутренние, связанные с натурой, психологическим складом героя. Высоким материям идеальных сущностей противопоставлено нечто притягательное, обманчивое и конечное – земная любовь, земная ипостась женщины, которую любит герой, к которой влечет героя. На башне, к символической вершине которой поднимается Борлют, кроме большого, главного колокола, есть колокол сладострастия.

«Роковая слабость» подтачивает «прекрасную душу» роденбаховского героя. Она – в земной любви, предавшись которой, он трансформирует свой запрос, изменяет своему идеалу. Юг Виан из «Мертвого Брюгге», поверив иллюзии, променял скорбь по умершей жене на пошлую чувственную страсть. «Божественный экстаз» Ганса в «Призвании» обернулся «трещиной греха», разрушившей «священный сосуд». Герой преодолел любовный соблазн, но утратил цель и смысл жизни, отринул церковное призвание, «стал другим». В «Звонаре» герой проходит через трагедию ошибок, заблуждений, разрушив то идеальное, что питало его любовь к Годеливе. Жизнь – социум, окружающие люди вмешиваются в судьбы героев, но и страсть, не только чувственно-земная, но и возвышенно-прекрасная, обладает разрушительной силой, приносит несчастье тем, кто ее испытал, на ней печать греха, символом которого становится тот крест, под тяжестью которого в развязке романа изнемогает раскаявшаяся Годелива. В эпоху, одним из центральных мотивов которой стал «кризис морали» [7], Роденбах отстаивает ее абсолюты, ригористический, бескомпромиссный запрос, требования которого, однако, оказываются непосильны для его героев.

Бессознательно-прекрасное, идеальное, к постижению которого устремлены герои писателя, делает их беспомощными и беззащитными в мире обы-

денности и расчетов. В художественном пространстве романов Роденбаха любовь дарит героям краткие моменты счастья – и неизменно ведет к катастрофе. Но любовь как счастье, как лик красоты, как символ духовной гармонии торжествует на эстетическом уровне – в богатстве поэтического рисунка, соединяющего в своем изображении элементы поэтик, базирующихся на выражении оттенков, текучести эмоций. Трагедии героев парадоксально вписываются в романтический миф, утверждая абсолютную эстетическую ценность любви.

И, однако, в каждом романе идеальное устремление вступает в конфликт с «реальной» жизнью – ее земными, общественными законами, но и с тем разрушительным и роковым, что заложено в природе человека, который «глубже дня», бездны бессознательного которого таят самообман, не выдерживают испытания «реальной» жизнью. Этот опыт, завоеванный в том числе натурализмом, по-новому открывал в своих произведениях романтик-символист Роденбах.

Страсть к женщине в его романах стала обманчивым отзвуком идеала. Новалисовский голубой цветок и Матильда – только поэтические абрисы любви, символы романтического томления. Женские образы Роденбаха, любовь его героев вбирают опыт чувственного и чувственности, несовместимый с идеальной природой йенского романтического духа. «Легкая чувственность» новалисовского мира уступает место «тяжелой чувственности», ведущей героя «Мертвого Брюгге» к преступлению, фантазмагорическая чувственность героя «Призвания» – к потере глубинной и органической связи с богом. Колокол сладострастия «заставил» изменить своему призванию мастера звона и реставрации Борлюта. Женщины в романах Роденбаха искушают героев, в них источник неодолимых разрушительных страстей. Проснувшееся дионисийское начало и в «Мертвом Брюгге», и в «Призвании» мыслится героями в романтическом ключе, как «нападение Ада», как демоническое начало, модель осознания которого сближает Роденбаха с бинарными оппозициями, антиномиями и традициями автора «Цветов зла».

Герой романа «Звонарь» стремится быть «выше жизни», между земным миром и богом – это компромисс, который был невозможен для персонажей Новалиса, противопоставлен «хорошим музыкантам» Гофмана, это путь, по которому пытались идти герои Гюго и Жорж Санд – в романских парадоксах авторских утопий. Роденбах стремится вывернуть возможность существования такой утопии в судьбе героя-максималиста, пытающегося соединить сакральное и профанное. Постигший тайны фламандской истории и души – в искусстве, музыке древних колоколов, герой романа «Звонарь», мечтает превратить Брюгге в город-музей. Ирония заложена в самой профессии героя, не только мастера звона, но и художника-реставратора, замыслившего вернуть городу былую славу, возродить его древнюю красоту. Трагическая ирония в том, что речь идет о красоте мумифицированной, образы и атрибуты которой статичны. В этой красоте есть отступление от раннеромантического идеала «тайно и непрестанно льющейся жизни». Закономерно, под натиском чуждого Борлюту буржуазного культа «пользы», поисками которой одержимы жители Брюгге, уходит из жизни и носитель идеала красоты – художник. Любовь, красота, идеалы оказываются вновь и по-новому несовместимы с жизнью.

Мотив любви не только героев, но и повествователя в романах Роденбаха находит воплощение и в образе мертвого Брюгге, города, который порой обоснованно считают героем одноименного романа [8]. С запозданием по европейским меркам осваивая национально-историческое пространство фламандской культуры, Роденбах соединяет его с символистским, окрашенным декадентскими мотивами видением мира. В образе города нашел воплощение архетипа народного, исторического и художественного видения писателем, поэтом Роденбахом образа Фландрии, это его песнь любви, которая окружает изображение города поэтическим ореолом. Роденбах населяет свои романы, площади и улицы Брюгге реальными «людьми», тенями людей, прорисовывает каналы, гавань, контуры отступившего моря. Графически живописные образы и детали создают мистическое пространство, в котором возникают «реперные точки» – образы-символы – каналы, колокола, башня, лебеди. Эти образы включают романы писателя в широкое пространство символистской интертекстуальности, насыщая особым трансцендентным смыслом и светом. Автор «Звонаря» воплотил в них ностальгию по таинственному и неведомому, горнему миру, слиянию красоты и инобытия, однако этот иной мир не откликается на призывы героя.

Действие в романах писателя всегда разворачивается в посястороннем мире, в пространстве любовных коллизий, идеальных устремлений, чувственных влечений, нравственных катастроф, которые неуклонно ведут героев к освобождению от всех форм земного притяжения, земного начала, – от жизни. Эту идею Роденбах символически воплотил в сцене последнего восхождения героя к вершине башни, в посмертном звучании колоколов – в память об ушедшем из жизни художнике, великом мастере колокольного звона.

Заключение

Мотивы и проблемы, заполняющие мир тетралогии, перекликаются с символистско-романтическим миром Бодлера, произведениями «проклятых поэтов» – Верлена, Малларме. Романы Роденбаха выполняют роль посредника между ранним романтизмом и символизмом конца XIX в. В эпоху «тяготения к смерти», романы писателя трансформируют принципы раннеромантического письма, включив в парадигму кризисного символистского сознания, которое не утратило связи с миром горним – «упоения жизнью и ее красотой» [9].

Романы Роденбаха свидетельствуют о том, что на рубеже веков воспетая романтиками утопия духа по-прежнему востребована культурой, но не способна дать новые ответы на запросы времени – все варианты судеб роденбаховских героев обрекают художника-творца на поражение. Сохранила ценность воспетая парнасцами, французскими поэтами-символистами вера в бессмертный идеал искусства, носителем романтического мифа по-прежнему остается художник. Непреодолимый конфликт его с социумом, массой неизбывен, получил дополнительное обоснование: устремленный к идеалу, он остается жертвой «земных» страстей, в борьбе с которыми терпит поражение, и даже победа над собой оборачивается для него катастрофой.

В процессе освоения принципов символистского письма в романах Роденбаха сформировалась эстетика, которую, учитывая концептное допущение,

можно отнести к бельгийскому неоромантизму, обладавшему национально-эстетическим своеобразием, соединявшего в одно непротиворечивое целое художественные коды романтизма и символизма, формировавшему новые романские синтезы эстетических утопий и антиутопий европейской культуры.

Список литературы

- [1] Coudurier P. Le «néo» dans les cultures européennes: sources, héritages et réécritures dans la littérature / CRINI (Centre de Recherche sur les Identités Nationales et l'Interculturalité. Nantes: Université de Nantes, 2012. URL: https://www.fabula.org/.../le-neo-dans-les-cultures-europeennes-sources-heritages-et-reecritures-dans-la-litterature_54068.php (accessed: 20.09.2020)
- [2] Косиков Г.К. Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора. М., 1993. С. 5–62.
- [3] Толмачёв В.М. О границах символизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Филология. Философия. История. 2004. № 3. С. 247–267.
- [4] Литвиненко Н.А. Романы Роденбаха: особенности поэтики // Вопросы филологии. 2017. № 2 (58). С. 64–71.
- [5] Goffin J. Le secret de Bruges-la-Morte. 2017. Pp. 41–49. URL: <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Le-secret-de-Bruges-la-Morte.pdf> (accessed: 01.09.2020).
- [6] Rodenbach G. Les essais critiques d'un journaliste // Textes de littérature moderne et contemporaine / choix de textes précédés d'une étude par Paul Gorceix; préface de Jacques de Decker. Paris: Honoré Champion, 2007. No. 93. 360 p. URL: <https://www.lachouette-librairie.com/livre/631144-les-essais-critiques-d-un-journaliste-georges-rodenbach-honore-champion> (accessed: 15.07 2020).
- [7] Кристоф III. Конец века // Новое литературное обозрение. 2018. № 1. С. 9–23.
- [8] Goffin J. Annexe 1: Le Carillonneur en écho à Bruges-la-Morte? Extrait du Secret de Bruges-la-Morte sur le site. 2017. URL: <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Analyse-du-Carillonneur-de-Rodenbach.pdf> (accessed: 10.08.2020).
- [9] Синило Г. Функции пасторальной и идиллической топики в немецкой поэзии рубежа XIX–XX веков (Фридрих Ницше, Стефан Георге) // Пастораль: бегство от действительности или приближение к ней?: сб. науч. трудов. М.: РГУ имени А.Н. Косыгина, 2018. С. 53–85.

References

- [1] Coudurier, P. (2012). *Le «néo» dans les cultures européennes: sources, héritages et réécritures dans la littérature*. CRINI (Centre de Recherche sur les Identités Nationales et l'Interculturalité. Nantes, Université de Nantes. Retrieved September 20, 2020, from https://www.fabula.org/.../le-neo-dans-les-cultures-europeennes-sources-heritages-et-reecritures-dans-la-litterature_54068.php
- [2] Kosikov, G.K. (1993). Dva puti francuzskogo postromantizma: Simvolisty i Lotreamon [Two paths of French post-romanticism: the Symbolists and Lautréamont]. *Poeziya francuzskogo simvolizma. Lotreamon. Pesni Mal'dorora [Poetry of French Symbolism. Lautreamont. Songs of Maldoror]* (pp. 5–62). Moscow.
- [3] Tolmachyov, V.M. (2004). O graniczax simvolizma [On the boundaries of symbolism]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya. Filosofiya. Istoriya [Bulletin of the Orthodox Saint Tikhon's Humanitarian University. Philology. Philosophy. History]*, (3), 247–267.
- [4] Litvinenko, N.A. (2017). Romany Rodenbaxa: Osobennosti poetiki [Rodenbach's novels: Features of poetics]. *Voprosy filologii [Philology issues]*, 2(58), 64–71.

- [5] Goffin, J. (2017). *Le secret de Bruges-la-Morte* (pp. 41–49). Retrieved September 1, 2020, from <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Le-secret-de-Bruges-la-Morte.pdf>
- [6] Rodenbach, G. (2007). Les essais critiques d'un journaliste. In P. Gorceix & J. de Decker, *Textes de littérature moderne et contemporaine* (no. 93). Paris, Honoré Champion. Retrieved July 15, 2020, from <https://www.lachouettelibrairie.com/livre/631144-les-essais-critiques-d-un-journaliste-georges-rodenbach-honore-champion>
- [7] Kristof, Sh. (2018). Konecz veka [The End of the century]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], (1), 9–23.
- [8] Goffin J. (2017). *Annexe 1: Le Carillonneur en écho à Bruges-la-Morte?* Extrait du Secret de Bruges-la-Morte sur le site. Retrieved August 10, 2020, from <http://bruges-la-morte.net/wp-content/uploads/Analyse-du-Carillonneur-de-Rodenbach.pdf>
- [9] Sinilo, G. (2018). Funkcii pastoralnoj i idillicheskoj topiki v nemeckoj poezii rubezha XIX–XX vekov (Fridrix Niczshe, Stefan George) [Functions of pastoral and idyllic topics in German poetry of the XIX–XX centuries (Friedrich Nietzsche, Stefan Gheorge)]. *Pastoral: Begstvo ot dejstvitelnosti ili priblizhenie k nej?* [Pastoral: Flight from reality or approximation to it?]: Collection of scientific papers (pp. 53–85). Moscow, RGU imeni A.N. Kosygina Publ.

Сведения об авторе:

Литвиненко Нинель Анисимовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета.

Bio note:

Ninel A. Litvinenko, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Literatures of the Faculty of Philology of the Moscow State Region University.